

— ...Кто самый популярный человек в вашей республике? — спросили мы у коллег из молодежной литовской газеты. Ответ последовал незамедлительно... Но таких людей оказалось несколько.

Где назначить встречу? Любая приездия знает знаменитую вильнюсскую башню Гедеминаса и площадь, тоже названную именем героя литовского эпоса. Все дороги в городе ведут сюда...

...Может быть, я зря обрел его на эту Голгофу?

— Так иногда я думаю, — Мечислав Пранович поставил чашечку с остывшим кофе на стол, задумался. Только что он говорил обратное: как доволен, что Кястутис пошел по его стопам, что добился успехов и в чем-то обогнал его, отца. И не

Мечислав Пранович ВИТКУС.

скрывал своей гордости: у дела, которое начал он, есть достойный последователь, его сын, в тридцать лет защитивший кандидатскую, в тридцать три — докторскую диссертацию. Самый молодой доктор медицинских наук в республике и, может быть, в стране. Все это так. Но у каждой медали есть обратная сторона: дни и ночи в больнице; работа до полного забвения самого себя, своего здоровья, своей семьи, своих детей. Отцовское сердце сжимается от жалости к сыну. Пусть такое могуче, отнюдь не сентиментальное, непоколебимое сердце, как у Виткуса-старшего. Пусть к такому молодому, преуспевающему, неутомимому сыну, как Виткус-младший. Где-то есть граница между Виткусом — ученым и Виткусом — отцом, и эта самая граница, может быть, его единственное слабое место, не видное, впрочем, постороннему взгляду.

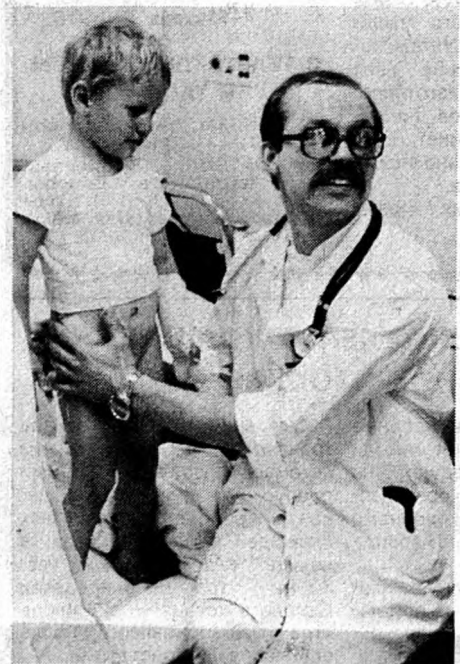
Центр микрохирургии — звучит, пожалуй, громко. На деле же это — самый верхний этаж, бывший чердак, клинической республиканской больницы, 45 коек, 14 врачей. И то — с недавнего времени. До этого пациенты Виткусов лежали в разных отделениях, операционную «занимали» у травматологов, те, конечно, не могли отказать — Мечислав Пранович долгие годы работал здесь, заведовал отделением. Десять лет назад в Москве он познакомился с первыми реплантациями конечностей, и было бы странно, если бы он не загорелся идеей таких операций у себя в Вильнюсе.

— Трудности — любимое словечко отца, — усмехается Кястутис, — он всю жизнь трудности создает и сам же их преодолевает.

Это, конечно, шутка. Кястутис, в отличие от отца, вообще любит посмеяться и подтрунить над другими и самим собой. — Отец меня всю жизнь «ломал», — серьезно говорит он, а глаза под стеклами очков смеются, — представляете, приходил на танцплощадку в девять часов и за руку уводил домой. И о медицине я не думал, у меня натура художника, любил рисовать, фотографировать до сих пор люблю. А отец силой заставил поступить в медицинский, потом держал «за горло» с кандидатской, с докторской...

Только что они вместе оперировали. Сложнейшая травма — в катастрофе молодому парню отрезали стопу, раздроблена нижняя часть голени. Чтобы пришить стопу, понадобилось снять приличный кусок кожи со спины, убрать раздробленные кости. И хотя ногу парню пришили — впереди у него много испытаний, больших и маленьких операций.

Это нам рассказали отнюдь не Виткусы. Их коллеги — молодые хирурги отделения. Без них рассказ о Виткусах был бы неполным, потому что они давно не существуют отдельно, сами по себе, а составляют единое целое, хотя у каждого своя узкая часть в микрохирургии.

Кястутис ВИТКУС.

Мы застали их за чаепитием в узкой и тесной, как скворечник, ординаторской. Разговор, хоть и шел на литовском, был понятен — обсуждали предстоящий матч «Жальгириса», его шансы не просто на победу, а на победу разгромную. И хотя Кястутис довольно категорично высказал такую примерно мысль: «Если два хирурга говорят между собой об автосервисе, а не о больных, это плохие хирурги», к «Жальгирису» это не относится.

Мечислав Пранович долго отказывался от разговора. Нашумевшая история с девочкой Расой, о которой много писали центральные газеты, заставляет его остро реагировать с прессой. Это он, когда Расу привезли, а их операционная была занята, срочно связался с Москвой, с военной авиацией, и Расу доставили в Москву. А получившись так, что литовские врачи не сумели помочь девочке, словно не готовы к подобным операциям. Хотя они как раз здесь не редкость. Виткус не обиделся, но от прессы все же старался держаться подальше. Правда, когда мы провели в отделении не один час и даже день, не смог оставаться в стороне от наших разговоров с молодыми докторами. Про Саулуса Шпокивичуса, самого красивого доктора с чуть надменной улыбкой, сказал:

— Гениальный хирург. Не часто услышишь такое от строгого и немного суховатого Виткуса, которого младшие коллеги называют между собой Диегоном.

Кястутис Виткус — во всем абсолютно белом (помимо белоснежного халата на нем белом было все: носки, туфли, рубашка и даже галстук) — с первого взгляда может показаться немного пижонем, особенно с этой своей манерой вечно подтрунивать. Если бы мы не знали, что по десяти — шестнадцать часов он проводит в операционной и выходит из нее такой же абсолютно по аккуртато белый и бодрый. Больные рассказывали: в три ночи уехал после операции, в восемь уже делал об-

ход, каждому улыбался и над каждым подшучивал. Можем ли мы терять присутствие духа, если наш доктор его никогда не теряет?

Кястутис, — у которого так и не понятно до конца, где он шутит, а где говорит серьезно, — пожимает плечами:

— Трудная ли у нас профессия? А что, бывает легкая? Врач, если он постоянно не стремится к новому, постоянно не идет на риск — но риск не безрассудный, а немного спланированный, — он останавливается, и тут кончается как микрохирург. Пусть идет вырезать аппендициты...

Он не успевает закончить свою мысль — вызвали на перевязку. Гентас Чеснис, профессор антропологии медицинского факультета Вильнюсского университета, а ныне — пациент отделения, боится, что Кястутис произвел на нас не то впечатление.

— Он живой, как... — профессор ищет русский аналог слова «живое серебро», — как ртуть. При всей своей жесткости он очень серьезный, вдумчивый ученый, всегда таким был. Много ли вы знаете случаев, когда студент и преподаватель становились друзьями? Я читал им не самую интересную с точки зрения студентов науку — анатомию. А Виткус ею заинтересовался, попросил почитать труды ученых, оказался интересным собеседником — и так мы дружим уже больше десяти лет...

— Что нужно для того, чтобы родилось и прижилось что-то новое? Кястутис вдруг делается серьезным. — Одного человека. Такого, кто может загореться идеей и осуществить ее. Как мой отец. В Москве он увидел операцию Виктора Соломоновича Крылова, четыре года пробыл возможным подобным операциям в Вильнюсе. Он был травматологом и не мог не отгорчаться, что не до конца помогает больным.

— И увлек микрохирургией вас?

— Увлел? За-ста-вил! Я же говорю, что выбирать мне в жизни ничего не при-

В ГОСТЯХ У САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ ЛЮДЕЙ ЛИТВЫ

лось, он вроде все за меня решил, — и, понижая голос, словно по секрету: — Это такой тиран...

Они живут вместе, одной семьей: отец, мать (тоже врач, рентгенолог), сын с женой и двумя детьми. Ионас, младший в семье, особая гордость отца, Голос Кястутиса теплеет, но глаза по-прежнему смеются:

— Я вижу его мало, очень мало... Но обо всех своих проступках Ионас мне сообщает, и за каждый получает от меня желтую карточку. Прихожу домой, он уже спит, конечно, я ему на стенку карточку прикрепляю... А потом, когда число карточек превысит штрафное, я его наказываю.

Кястутис опять не успевает договорить — позвали к телефону. А мы вспоминаем операцию, на которой побывали. Оперировал доктор Витаутас Климанс, в перво-приобретенной своей специальности хирург-гинеколог. Он сам пришел к Виткусам в 1983 году, попросился у них работать. Привлекла возможность путем пересадки некоторых внутренних органов возвращать женщинам надежду стать матерью. Его операции — уникальные, хотя он сделал их около семидесяти. Уникальны хотя бы потому, что каждая из них неповторима, и еще десять лет назад подобный диагноз обрекал женщину на бесплодие. Его операции — это тоже Виткусы. Когда центр только начинался, все они неделями не выходили отсюда — с чердака, спали на матрацах, на полу, оперировали, а в перерывах ремонтировали, убрали, мыли...

То, что мы увидели здесь сегодня, похоже на фантастику. И хотя Кястутис уверял меня, что прозаичность хирургии нет и ничего быть не может, это, пожалуй, единственное, в чем мы позволили себе с ним не согласиться.

Встретимся в семь, в театре

— Вы простите, что разговаривал с вами по телефону, как директор. Наверно, неудачно вхожу в роль. Меня несколько дней назад избрали председателем Союза театральных деятелей Литвы — приходится учиться им быть.

— Не любите давать интервью?

— Не люблю. Что говорить? Уже сам себе надел. Работать нужно, двигаться. Думаем, не необходимости представлять творчество народного артиста СССР Регимантаса Адомайтиса. У него достаточно поклонников, впрочем, и критиков тоже. Мы, москвичи, привыкли к встречам с ним на экранах кино и телевизоров. У вильнюсцев есть преимущество. Они могут пойти «на Адомайтиса» в Государственный академический театр драмы Литовской ССР.

Итак, Адомайтис-актер широко известен. Хочется познакомить читателей с Адомайтисом — театральным деятелем, гражданином, наконец, отцом троих сыновей.

— Поговорим о жизни? О ней все уже сказал Чехов, например, в «Скудной истории».

— И все же, как вы оцениваете обстановку, сложившуюся сегодня в театральном мире?

— Театральный организм дряхлеет. Актеры недоброжелательны пьесами, драматургии — актерами. Состав давно сформированных трупп почти не изменяется. Значительные конфликты в жизни общества до последнего времени на сцене замещались мелкими, которые подавались, как грандиозные. Но сдвиги есть. Выдающимися общественным явлением считаю такие спектакли ваших московских театров, как «Диктатура совести» и «Статья».

— А в Литве?

— Проблемы с посещаемостью у нас нет. Это приятно, но все же настаиваю. У нас не так много театров, а спрос на искусство большой. Таким образом, все время дефицитная ситуация. Пусть создаются новые, хозрасчетные театры, как профессиональные, так и любительские. Здоровая конкуренция принесет только пользу. Но так трудно сломать тя-

желый механизм, при котором все упирается в Минфин.

— Вы имеете в виду молодежные театры?

— Конечно, ставку надо делать на молодежь. Но беда в том, что они выросли в тех самых условиях, которые отнюдь не способствовали развитию театрального дела. И часть из них уже впитала в себя те принципы, которые до сих пор мешают нам всем. Это страшно.

— Как вы относитесь к молодежной культуре, в частности к рок-музыке?

— К року равнодушен. Но какой смысл обсуждать, хорошо это или плохо? Он есть, он нравится молодежи, значит, пусть слушают.

— Представьте себе, что ваш старший сын, четырнадцатилетний Витаутас, придет однажды домой, вздершит волосы, наденет металлические браслеты и цепи... Уже было. До цепей, правда, не дошло, но полосы торчали невообразимо. Вопрос в том, сколько времени все это продолжается. Очень скоро Витаутас причесался и переключился на другие интересы. Сначала английский язык, теперь философия.

— Вы владеете каким-то особым секретом родительской педагогики?

Секрет прост — работа и работа. Дети же видят, сколько трудимся мы с женой (она певица филармонии). Летом, когда переселяемся за город. Витаутас с удовольствием идет работать в соседний колхоз. В прошлом году заработал 140 рублей, чтобы в следующие каникулы куда-нибудь съездить. И младшие за ним тянутся.

— Пользуетесь ли вы при воспитании тактикой запрета?

— Основной запрет один — телевизор. Вместо того, чтобы действовать, люди сидят, тупо уставившись в экран. Развиваются пассивность и потребительство. Молодой актер вместо того, чтобы играть самому, смотрит, как играют другие в фильмах, далеко не лучших.

— А телевизионные спектакли?

— Спектакли нужно смотреть только в театре, в окружении единомышленников, а не в халате и шлепанцах между чашками чаю.

— Баскетбол, надеюсь, исключение?

— Когда играет «Жальгирис», я свой запрет снимаю.

— Иногда мы получаем письма от молодых людей, которым в жизни не повезло с профессией. Они не сумели вовремя

Регимантас АДОМАЙТИС.

сделать правильный выбор и теперь мучаются на нелюбимой работе, не зная, как же поступить. Вы были в подобной ситуации и сумели ее разрешить для себя.

— Я родился в небольшом литовском городке, и, сколько себя помню, всегда участвовал в самостоятельности. О театральном институте всерьез не думал, наверно, просто боялся думать. Накрепко засела мысль: куда мне, если тысячи гораздо более талантливых проваливаются на экзаменах. Школу окончил с серебряной медалью, поэтому поступить в Вильнюсский университет труда не составило. Думаю, из меня получился бы неплохой физик. Всю жизнь я честно делал бы свое дело, но не талантливо. Меня обычно считают рационалистом, но это не так. По натуре я гораздо эмоциональнее, чем это видно окружающим.

Театр все-таки не давал спокойно жить. Перейдя на пятый курс, решил одновременно попробовать поступить на актерский факультет Литовской консерватории. Думал: не поступлю — точно, но хотя бы мучиться перестану. И вдруг поступил. Но и тут я не решился окончательно сменить курс. Закончил университет, защитил диплом и... вздохнув свободно, перешел на второй курс консерватории.

Наверно, нет смысла спрашивать, доволен ли Регимантас Адомайтис выбором. Более 40 ролей в кино, примерно столько же в театре говорят сами за себя.

— Недоволен собой. Не все играл, что нравилось, не все так, как хотел. Но никогда не скрывал своих мыслей. Жить старался честно.

— Ваша любимая роль?

— Что говорить о прошлом? Закончил сниматься в главной роли на «Мосфильме» в картине «Карусель на базарной площади» по повести Альберта Лиханова «Голгофа». Режиссер Николай Стамбула. Фильм уже вышел на экраны. Надеюсь, краснеть мне не придется.

— Ангел-хранитель домашнего очага

— Школа, институт, работа, кандидатская, — видите, мы почти всегда планируем свою профессиональную карьеру. И никогда — карьеру семейную. А что здесь странного? Готовить обед, создавать уют в доме, брать на себя ответственность, даже любить — всему этому учиться постепенно.

Гедеминас НАВАЙТИС.

Разговор прерывает телефонный звонок. Пока наш собеседник таким же тихим, ровным голосом говорит что-то в трубку, представим его.

Гедеминас Навайтис — кандидат психологических наук, руководитель группы исследования проблем семьи в НИИ педагогики. И ничего, что руководить приходится пока самим собой (вся группа состоит из одного руководителя). Популярности это Навайтису не убавляет. Восьмой год ведет он психологическое консультирование в Вильнюсском загсе (в городе этот загс единственный).

На 6 тысяч ежегодных браков в Вильнюсе приходится 2,5 тысячи разводов. Примерно 300 семей из этого числа прекращают свое существование в загсе. В основном это семьи, не успевшие обзавестись малышом, но выжившие уже традиционной безликой фразой: «не сошлись характерами». То есть совсем юные семьи.

Подавая заявление на развод, супруги должны соблюсти маленькую дополнительную «формальность» — заполнить в документах подпись Навайтиса, а для этого пройти у него консультацию.

Так вот, 39 процентов молодых супругов в прошлом году после консультации заявления о разводе забрали.

— Я, наверно, удивлю вас, если скажу, что не преследую цели увеличить этот процент, — Гедеминас вернулся к прерванному разговору. — Бывает так, что развод необходим. Моя задача — помочь человеку разобраться в себе самом. Семьи разваливаются из-за элементарных бытовых разногласий.

Недавно мы проводили анкетирование среди старшеклассников. Абсолютно все девятиклассники убеждены, что обладают таким качеством, как способность любить. В графе же «идеал мужья (жены)» писали: «хороший, красивый, умный, любящий». Для них было открытием, что помимо этих мало о чем в сущности говорящих характеристик существуют и другие.

Избранник может оказаться холериком или флегматиком, экстравертом или интровертом и т. д. На вопрос же о возможности добрых половых отношений многие отвечали: «Своего мнения не имею». Вступая во взрослую жизнь, они не имеют даже своего идеала.

«Никакого адекватного восприятия эстетических перцепций», — написал один умник в разводном заявлении. Другая просто твердит: «Он меня не любит. Он подлец». Начинаешь копаться — почему? Почему же вам так не повезло? Из тысяч прекрасных мужчин достался один, самый худший.

«Он меня не уважает» — «не считает» — «не помогает» — «завел за хлебом в магазин». Видите, что получились! Некупленный вовремя хлеб обернулся отсутствием любви. Моя же задача — от большого до малого все расставить по местам. Разбить тарелку в споре еще не значит разбить жизнь. Конечно, все это возможно, если осталась хоть капля желания сохранить семью.

Не ошибемся, если скажем, что Гедеминас Навайтис полномочия свои иногда превышает. Вот недавно приходила разводящаяся пара. Жит бы да жить, но с квартирой полная безнадежность. В одной комнате разделенной только шкафом, живут вместе с родителями жены. А отношения зятя с тещей не сложились, вплоть до безобразных ежедневных скандалов. Гедеминас нашел супругам новую работу за городом, где им сразу же предоставили комнату. Ребята были страшно рады, самостоятельно позаботиться о своей судьбе они оказались не способными. Получается, что Навайтиса просто психологом или консультантом даже не назовешь. Какой-то ангел-хранитель семейных очагов.

— Меня немножко знают в исполкоме, — лукавит Навайтис.

Знают его не только в исполкоме. Знают на заводах, в школах и учреждениях. Но одного Навайтиса, конечно, недостаточно.

— В судах такие консультации еще нужнее, — вздыхает он. — Развод в суде еще большая трагедия, остаются дети.

— ...Извините, я включу телевизор — баскетбол.

— Гедеминас, объясните, пожалуйста, с точки зрения психолога, этот баскетбольный бум в вашем городе.

— О, это отдельная тема. Мы, литовцы, такая маленькая нация, а о нашем «Жальгирисе» говорит весь мир. И каждый из нас чувствует сопричастность, каждый немножко спортсмен. Есть общая тема для разговоров, есть эмоциональная разрядка. Я думаю — это хорошо.

Самый, самый, самый

популярный, любимый всеми человек-звезда. Вы, наверно, уже догадались, о ком теперь пойдет речь. Об Арвидасе Сабонисе, центровом каунасского «Жальгириса».

...Если в этот вечер кто-нибудь спрашивал: «Который час?», — то слышал в ответ примерно следующее: «Осталось полтора часа». Это означало, что через полтора часа в Москве начнется суперфинал ЦСКА — «Жальгирис».

Опустели улицы города. Особенно страдали те, кто вынужденно оказался вдали от телевизора. Счастливым обладателем маленького транзистора уверенно командовал водителем троллейбуса после каждого заброшенного мяча: «Стой! Поехали!».

Арвидас САБОНИС.

А уж что творилось, когда «Жальгирис» стал чемпионом СССР! Тысячи молодых жителей Каунаса глубокой ночью встречали в аэропорту любимую команду — и это было высшим проявлением восторга и обожания скупых обычно на эмоции литовцев.

Мы не стали беспокоить Сабониса на следующий день. Ему надо выспаться. Но без него наша встреча с самыми популярными людьми Литвы останется неоконченной. Поэтому с республикой мы не прощаемся...

Ольга БЕЛАН,
Елена САЛИНА.